

руководящего состава для советских и хозяйственных органов управления. На курсы принимались представители рабочих и крестьян, им читались лекции по политическим, общеобразовательным и специальным предметам.

Таким образом, в первые месяцы советской власти был проведен ряд преобразований в сфере народного хозяйства, направленных на слом прежних рыночных механизмов и формирование командной системы управления. Осуществить все эти мероприятия сразу не удалось, т. к. началась иностранная военная интервенция, за ней гражданская война, в результате чего на всей территории страны была введена политика «военного коммунизма».

Список литературы

1 **Дайнеко, А. Е.** Экономика Беларуси в системе всемирной торговой организации / А. Е. Дайнеко, Г. В. Забавский, М. В. Василевская ; под ред. А. Е. Дайнеко. – Минск : Ин-т аграр. экономики, 2004. – 323 с.

2 **Рябцева, Н. А.** Белорусоведение : пособие для студентов вузов / Н. А. Рябцева. – Гомель : БелГУТ, 2002. – 256 с.

3 **Голубович, В. И.** Экономическая история Беларуси : учеб. пособие / В. И. Голубович, Г. И. Ермашкевич, Г. П. Бущик ; ред. В. И. Голубович. – Минск : Экоперспектива, 2001. – 400 с.

УДК 94(47+57) «1941/1945»(476.2)

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ НАСЕЛЕНИЯ ГОМЕЛЯ В УСЛОВИЯХ НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ (1941–1943 ГГ.)

Л. С. СКРЯБИНА

Учреждение образования

«Белорусский государственный университет транспорта», г. Гомель

Несмотря на определенные успехи научного исследования различных аспектов немецкого оккупационного режима, изучение повседневной жизни населения во время оккупации остается одной из важных задач белорусской исторической науки. Научный интерес к этой проблеме обусловлен тем, что на протяжении долгого времени существовал запрет на исследование общественного, социально-экономического, культурного положения Беларуси в период оккупации. В ограниченных рамках статьи невозможно осветить все направления повседневной истории. Поэтому обратим внимание только на некоторые интересные, на наш взгляд, ее аспекты. Немецкие войска под командованием фельдмаршала Ф. Бока, которые входили в состав группы армий “Центр”, в середине августа 1941 г. были уже на ближних подступах к Гомелю. На гомельском направлении противник сконцентрировал 25 дивизий [1, с. 82]. Напряженные бои с отборными немецкими дивизиями вели войска 21-й армии.

19 августа 1941 г. немецкие войска ворвались в Гомель и к вечеру захватили северную и северо-западную часть города. Особенно ожесточенными были столкновения в районе городского парка, конного завода, речного порта, авторемонтных мастерских и у переправ через р. Сож. Окончательно удостоверившись, что город не удержать, штаб Центрального фронта отдал распоряжение на отвод войск. На левом берегу Сожа, в Ново-Белице, бои шли ещё трое суток. На два с лишним года город оказался под вражеской оккупацией.

После того, как немцы заняли Гомель, было введено военное управление. В оперативных отношениях Гомель подчинялся военному командованию и входил в состав зоны армейского тыла группы армий “Центр”. Вся власть принадлежала командованию 221-й охранной дивизии (ОД), штаб которой размещался в здании школы № 27 по ул. Рогачевской. Командир 221-й ОД генерал-майор Якоби стал комендантом Гомеля [2, с. 151].

Важная роль в оккупационной администрации отводилась Гомельской военно-полевой комендатуре № 551, находившейся в доме № 14 по улице Пролетарской. Ей подчинялись все военные, карательные и общественные учреждения города. Для поддержания желаемого порядка был создан орган местной администрации – городская управа, бургомистром которой до 1 августа 1943 г. являлся И. Т. Соболев, а потом на этом посту его сменил Б. П. Аксов-Аксёнов. В своем распоряжении она имела городскую вспомогательную полицию. Город был разбит на 6 полицейских участков, в каждом из которых находилось до 50 человек [3, с. 58].

Гомель являлся пунктом пересечения важнейших железнодорожных магистралей с запада на восток, с северо-запада на юго-восток и на юг. Охране чрезвычайно важного железнодорожного узла верховное гитлеровское командование придавало большое значение. После оккупации города в нём постоянно находился гарнизон, насчитывавший до 3,5 тыс. фашистских солдат и офицеров [4, с. 540].

С первых дней оккупации новая власть установила строгий режим жизни гражданского населения города. Согласно распоряжению Гомельской городской управы № 13 от 14 сентября 1941 года всё население в возрасте от 16 лет должно было иметь свидетельство личности установленного образца за подписями и печатью управы и немецкой комендатуры. Без такого свидетельства все задержанные на дороге, в лесу, на поле считались партизанами и расстреливались на месте [5, л. 137].

В городе действовал строгий паспортный режим, согласно которому проводились проверки прописки граждан, вёлся строгий учёт лиц, которые прибывали на место жительства, ограничивалось время нахождения на улице, выезд и въезд в город. В соответствии с комендантским часом появление гражданского населения на улицах запрещалось под страхом расстрела с 7 часов вечера до 5 часов утра [2, с. 145]. В это время нельзя было даже посещать соседей, каждый житель должен был находиться у себя дома. Приезжие могли ночевать у знакомых только с разрешения полиции. Почти каждую ночь в домах, на улицах, базарах шли массовые проверки документов, участились облавы.

Одним из первых шагов оккупационных властей по установлению контроля над населением являлась обязательная регистрация всех жителей старше 16 лет. В специальных извещениях определялось время и место регистрации, а также оговаривались размеры штрафа и другие санкции для нарушителей.

Уклонение от регистрации рассматривалось как желание избежать обязательной трудовой повинности, которая вводилась согласно распоряжению рейхсминистра оккупированных восточных областей А. Розенберга от 5 августа 1941 г. для местного населения в возрасте от 18 до 45 лет, в т. ч. и женщин. В распоряжении подчеркивалось, что рейхскомиссары «Могут для определенных групп населения расширить или ограничить обязанности к труду» [6, с. 51].

На практике, как свидетельствует распоряжение оккупационных властей о трудовой повинности в освобожденных русских областях, возрастные рамки трудовой повинности корректировались на местах и расширялись от 14 до 65 лет. «Все жители освобожденных областей в возрасте от 14 до 65 лет подлежат в зависимости от трудоспособности трудовой повинности. Они обязаны явиться для регистрации на биржу труда или в назначенное для этой цели учреждение» [7]. Привлеченные к такой повинности работали 6 дней в неделю по 10–12 часов.

Захватив город, немецкие власти с первых дней войны принимали меры для возобновления деятельности промышленных предприятий с целью обеспечения и обслуживания своей армии. Восстанавливались, главным образом, железнодорожные и шоссейные дороги, отдельные цеха разрушенных заводов для ремонта поврежденных в боях танков, бронетранспортеров, орудий и других материальных частей. Так, уже в 1942 г. немцы завезли и установили оборудование в девятом и литейном цехах «Гомсельмаша», где ремонтировались автомобили, танки, орудия, пулеметы и др. На заводе работало 160 немцев, 45 вольнонаемных, 78 военнопленных. На полную мощность работал Гомельский паровозовагоноремонтный завод, где трудилось более 1500 местных рабочих и 700 немцев. Здесь также проводился ремонт танков и других видов вооружения. Был пущен в эксплуатацию Гомельский судостроительный завод, на котором работало 500 русских рабочих и немцев. На заводе им. С. М. Кирова были организованы авторемонтные мастерские. Оккупационные власти предприняли меры по восстановлению деятельности некоторых предприятий пищевой, деревообрабатывающей промышленности, которые работали на удовлетворение нужд армии. В Ново-Белице работали мясокомбинат, жироккомбинат, лесопильный завод, мастерские на фабрике «Везувий». Для обеспечения дислоцированного военного гарнизона на комбинате «Спартак» в Гомеле была налажена работа хлебозавода [8, л. 27].

В целях кредитования хозяйственных организаций при городской управе 4 сентября 1941 г. был открыт Гомельский банк, годовой оборот которого составлял 569 млн 279 тыс. рублей. По личным вкладам банк выплачивал 2,5 % годовых [9].

Оккупационные власти, используя местное население, сталкивались с проблемой обеспечения выхода на работу даже имеющейся рабочей силы. Об этом свидетельствуют результаты проверки использования

обслуживающего персонала на ПВРЗ: «При проверке железнодорожного ремонтного завода в Гомеле 05.06.43 г. было установлено, что местная рабочая сила на производстве используется совсем не эффективно (...) Так, в начале июня из 1510 местных рабочих 75 были больными, в среднем 51 в день увольняли без выплаты заработной платы. При этом в среднем около 510 человек отсутствовали каждый день без существенных причин. Из 1510 местных рабочих на рабочем месте находились только 874, или едва 60 % (...) Дальнейшие обсуждения 510 человек, которые отсутствовали без уважительных причин, привели к выводу, что преимущественное количество этих сил нарушило трудовой договор. Из 510 отсутствующих большое количество... вероятно сбежали. Остальные отсутствующие без уважительной причины считаются уже 4 недели исчезнувшими. Насколько завод установил, большое количество местных рабочих выехало вместе со всем имуществом из Гомеля после налетов авиации, многие местные рабочие перешли в другие профессии, преимущественно в сельское хозяйство» [10, с. 115–116]. Побег рабочих становились существенной проблемой оккупационных властей.

Трудности продовольственного обеспечения заставили оккупационные власти ввести карточную систему для граждан, привлеченных на работу промышленных и других предприятий. Согласно нормам обеспечения рабочие и служащие г. Гомеля в зависимости от категории получали хлеба от 100 до 300 граммов в день, картофеля – от 5 до 16 килограммов в месяц. Отдельно устанавливались нормы обеспечения для работников железной дороги. Им выдавалось 8 килограммов хлеба, 20 килограммов картофеля в месяц, 500 граммов крупы в день [11]. По более низким нормам обеспечивались иждивенцы. Этого не хватало, чтобы выжить, а не то чтобы непосильно трудиться. Нацистское руководство неукоснительно придерживалось провозглашенного хозяйственным штабом «Ост» лозунга «Хлеб только за работу». Согласно этой доктрине обеспечивать продовольствием предполагалось только тех, кто работает на Германскую империю. Об этом совершенно точно провозгласил генеральный уполномоченный по трудоустройству Фриц Заукель: «Кто работает на Германию, должен быть сытым, чтобы там ни было, не только он, но и вся его семья. Все остальные могут спокойно голодать» [12, с. 13]. Несмотря на то, что работа рабочих оплачивалась также деньгами, их было слишком мало, чтобы приобрести дополнительные продукты питания.

Заработная плата рабочих составляла 200–400 руб. в месяц. Высококвалифицированный рабочий получал 800 руб. Вместе с тем необходимо отметить, что соотношение цен на продукты питания, промышленные товары и заработной платы было не в пользу последней. Так, пуд муки стоил на рынке 1000–1500 руб., 1 литр молока – 30–40 руб., 1

десяток яиц – 120–150 руб., поношенные туфли – 1500–2000 руб. [8, л. 98]. Чтобы выжить и достать продукты питания, горожане продавали всё, что можно было продать. Они вынуждены были толпами отправляться в близлежащие деревни и там обменивать вещи на хлеб. Самым ходовым платежным средством являлись табак, мыло и соль. Обменять на продукты питания можно было также ткани, одежду, обувь. Ежедневные мысли о куске хлеба озлобляли горожан и вызывали нежелание работать.

Немецкие власти делали вид, что заботятся о нуждах населения. В этих целях был регламентирован порядок торговли на рынке. В соответствии с приказом № 19 Гомельской комендатуры от 18 февраля 1943 г. базарные дни проводились по средам, пятницам и воскресеньям. Торговать молочными продуктами, мясом, рыбой, овощами и другими продуктами питания разрешалось каждый день. Запрещалась спекуляция валютой, или отказ принимать ее по курсу: 1 германская марка к 10 советским рублям [13]. Однако, несмотря на широкое рекламирование рыночной торговли, крестьяне неохотно привозили продукты питания на рынок, и те немногие, кто привозил за деньги, продавать отказывались. На рынке преобладал товарообмен.

Была восстановлена система налогообложения. Одним из обязательных налогов являлся подоходный налог, введенный еще в октябре 1941 г. в размере 10 % от дохода. От уплаты освобождались жители Гомеля, доходы которых не превышали 150 руб. в месяц, а с 1 июля 1943 г. – 200 руб. [14]. Владельцы земельных участков в городской черте обязаны были выплачивать земельную ренту в размере 0,96 руб. за квадратный метр. Согласно распоряжению полевой комендатуры № 551 от 13 января 1942 г., был введён налог на собак: за первую – 200 руб., за вторую и каждую последующую – 300 руб. в год. Владельцы собак, которые не уплатили налог, должны были убить их, а шкуру сдать на кожевенный склад [15, л. 64].

Для обеспечения немецкой армии и оккупационной администрации необходимым количеством продовольствия жителям Гомеля было приказано сдавать сельскохозяйственную продукцию. Так, в соответствии с распоряжением германского районного земельного управления каждый владелец коровы в г. Гомеле, Ново-Белице и п. Костюковка обязан был после выполнения поставок за 1942 г. с 1 апреля по 31 июля 1943 г. сдать на Гомельский молочный завод или сборные пункты в Ново-Белице и Костюковке по 100 литров от каждой коровы. Кроме того, устанавливалась плата за выпас одной головы крупнорогатого скота – 600 руб. за сезон, 1 лошадь – 300 руб., 1 козу и 1 голову молодняка крупнорогатого скота – 400 руб. Категорически запрещался самовольный выпас скота. Кто не выполнял данное распоряжение, привлекался к строгим взысканиям вплоть до конфискации [16].

Возобновил свою работу паспортный отдел городской управы по регистрации браков, новорожденных и умерших. Регистрация брака оплачивалась в размере 20 руб., новорожденных – 5 руб., смерти – 3 руб. Нарушителей штрафовали на сумму до 200 руб. или направляли на двухнедельные принудительные работы. Церковные браки разрешались лишь после гражданской регистрации, разводы – только через суд при условии отсутствия одного из супругов без вести в течение трех лет [17, л. 17].

Важнейшей задачей оккупационных властей являлось усмирение и политическое перевоспитание населения с помощью пропаганды, культуры, религии. В условиях, когда обстановка складывалась не в пользу нацистской Германии, захватчикам приходилось проводить более гибкую политику среди населения для достижения своих целей. Как отмечает Ю. Туронк, немецкие власти вынуждены были начать деятельность, которая была направлена на получение симпатий у населения путём идейных уступок в области культуры и политики, а также хозяйственной деятельности. Это делалось для того, чтобы парализовать его волю к сопротивлению.

Прежде всего, было дано разрешение на религиозную жизнь и открытие церквей, закрытых советской властью. Только в Гомеле было открыто 4 церкви. В городе работали богословские курсы, где готовили священнослужителей. Стоит отметить, что в тяжелое военное время, в условиях кровавого нацистского террора, угнетения и материального бедствия, религиозные чувства верующих усилились, заметно вырос приток прихожан в церкви и костелы. Фашисты не преминули использовать это. В первых же призывах к населению немцы торжественно объявили, что теперь, наконец-то, наступило время, когда русские, белорусы и украинцы могут свободно реализовать свои религиозные традиции. Оккупационные власти предписывали населению отмечать церковные праздники. Так, согласно распоряжению Гомельской комендатуры № 551 от 05.06.1942 г. устанавливались следующие церковные праздники: «Новый год, Пасха, Рождество, Троица, еженедельно воскресение». Все остальные праздники объявлялись рабочими днями [18, л. 136]. Вводилась церковная регистрация новорожденных детей, их крещение, венчание при заключении брака, церковные обряды при захоронении умерших.

Симпатии населения города оккупационные власти стремились завоевать введением с 1 октября 1941 г. обязательного школьного образования детей с 7 до 14 лет (в некоторых местностях – с 8 до 15 лет). Были открыты начальные и семилетние школы, профессиональные курсы. Для характеристики отношений немецких властей к школьному вопросу приведем один из пунктов инструкции для городских глав, районных начальников, волостных старшин «Открытие школ и учебных учреждений». В нём говорилось: «Дабы определить детей на упорядоченные занятия, немедленно следует открыть школы. Всем русским детям от 8 до 15 лет включительно.

Проживающим в городах, предписывается посещение школы. Содержание школы идет за счет городской общины (...) С 01.12.41 г. следует подать заявления... В этих заявлениях нужно указать следующее: местонахождение школы, число учеников, число классов, фамилии и имена учителей, краткое описание плана обучения и учебные пособия» [19, л. 256].

Отдельные вопросы этой проблемы нашли отражение в газете «Новый путь». Так, в заметке газеты за 5 декабря 1942 г. сообщалось, что в текущем учебном году были открыты при школах № 4 и № 5 г. Гомеля два класса с фармацевтическим уклоном. Занятия проходили в одном из корпусов фабрики «Казими» [20]. Отдел народного образования систематически проводил учительские конференции и совещания. Оккупационные власти дали разрешение на открытие 25 июля 1943 г. областного дома просвещения. Заработная плата учителей зависела, как и в довоенное время, от стажа работы и уровня образования. Например, зарплата учителей начальных классов со средним образованием колебалась от 500 до 805 руб в месяц, с высшим (5–7 классы) – от 685 до 1100 руб. Учителя 5–7 классов с неполным высшим образованием получали 625–1000 руб., со средним – 565–905 руб. в месяц. Ежедневная нагрузка для учителей начальной школы составляла 28,5 урока, семилетней – 24 [15, л. 5].

Однако все мероприятия, проводимые оккупантами в области образования, носили пропагандистский и рекламный характер. Гитлеровцы не ставили перед собой цель дать белорусской молодежи среднее образование, а о высшей школе они вообще не хотели говорить. Им нужно было как можно больше физически сильных работников для своего хозяйства. Поэтому окончательной целью образования «биологической силы» должно быть, по мнению Г. Гимmlера, знание «простого счёта, самое большое до 500, умение расписаться, внушение, что божественная заповедь заключается в том, чтобы повиноваться немцам, быть честными, старательными» [21, с. 134].

Под нацистским контролем допускалась культурно-творческая деятельность. В марте 1942 г. возобновил свою работу Гомельский областной театр. За один год своего существования театр поставил 79 спектаклей. Театральная труппа насчитывала 17 человек [22].

С целью увеличения расположения местного населения к «новым властям» разрешалась организация и проведение художественных выставок. 16 мая 1943 г. в здании бывшего речного вокзала открылась 3-я художественная выставка, на которой было представлено более 100 работ десяти художников области. На открытии выставки присутствовали представители германского командования и городского самоуправления. Лучшие работы были премированы суммой от 2 до 5 тыс. рублей [13].

В целях предотвращения эпидемий инфекционных заболеваний в своем тыле, а также завоевания симпатий населения оккупационные власти

придавали вопросам охраны здоровья большое значение. Одним из примеров обеспокоенности оккупационных властей санитарным состоянием в городе может быть приказ городской управы от 20 апреля 1942 г.: «... убрать всякий мусор с домов, дворов и уборных». Мусор необходимо было вывозить в определенные городской управой места для его свалки или закапывать в ямы глубиной не менее двух метров [23, с. 173]. В городе для решения проблем медицинского обслуживания населения была восстановлена работа областной больницы, поликлиники, санитарной станции, аптеки. Врачам и медсестрам было приказано вернуться на работу в свои учреждения. За ними сохранялись прежние должности, начислялась заработная плата. За лечение в больнице бралась плата в размере 10 руб. за день [24, л. 39]. К тому же больные должны были обеспечивать сами себя питанием. Для многих граждан это являлось проблемой, поэтому жители обращались к местным властям с просьбой освободить их от уплаты. Заявления такого рода тщательно проверялись и в отдельных случаях принималось решение в пользу заявителя.

Руководство нацистской Германии придавало исключительное значение прессе и её эффективному использованию в политической борьбе и пропаганде. Оккупанты рассматривали белорусскую прессу как важный фактор, средство обеспечения лояльности местного населения, его нейтрализации и деморализации. В Гомеле с разрешения немецких властей ежедневно издавалась газета «Новый путь» на русском языке. На страницах этой коллаборационистской газеты декларировалось благополучие и обеспеченное будущее белорусского народа в рамках «нового европейского порядка». Декларации свободного развития края и общности германо-белорусских интересов были провозглашены на торжественном молебне 22 июня 1943 г. на соборной площади по случаю «освобождения от большевизма». Молебен, в котором приняло участие всё духовенство Гомеля, был проведен архиепископом Мозырским и Речицким Николаем. После молебна выступил начальник области В. А. Ясинский, который призвал народ к тесному сотрудничеству с Германией. «У нашей страны и нашего народа, – подчеркивал он, – единый путь – союз и верная дружба с Германией» [25].

Политика уступок проявлялась по мере ухудшения положения немецкой армии на восточном фронте. Однако это было манипулирование политикой кнута и пряника в интересах будущей «восточной политики» Германии, попытка воспитать белорусов в политическом отношении так, чтобы потом можно было использовать их в своих целях. «Когда же, благодаря “смягчению” в политике, – говорилось в докладе В. Кубе на совещании окружных комиссаров, начальников головных отделов генерального комиссариата “Беларусь” в апреле 1943 года, – белорус поверит в Германию, только тогда мы сможем сделать с этим народом, что захотим» [26, с. 26].

В целом, несмотря на все меры немцев, направленные на получение доверия со стороны населения, им это не удалось. И в памяти народа оккупация останется не временем белорусских газет и школ, а периодом геноцида белорусского народа. Реальностью повседневной жизни населения, как отмечает белорусская исследовательница О. В. Бригадина, «были страх и постоянная угроза смерти. Смерть за нарушение комендантского режима, за помощь евреям, комиссарам, партизанам, за отказ от принудительных работ, за слушание советских радиопередач, за неявку на перерегистрацию, за нахождение около железной дороги и т. д.» [27, с. 124].

Список литературы

- 1 **Павлов, Я.** Оборона Гомеля 1941 / Я. Павлов // Энциклапедыя гісторыі Беларусі. У 6 т. Т. 3. – Мінск : БелЭн, 1996.
- 2 **Козак, К. И.** Германская акупацыйная адміністрацыя в Гомеле 1941–1943 гг.: тыпалогізацыя, структура, формы / К. И. Козак // Страницы военной истории Гомельщины : материалы науч.-практ. конф. / ред. кол. : А. А. Коваленя [и др.]. – Гомель : БелГУТ, 2008. – С. 143–160.
- 3 **Скрабіна, Л. С.** І верная дружба з Германіяй / Л. С. Скрабіна // Беларуская мінуўшчына. – 1996. – № 3. – С. 57–59.
- 4 Памяць : Гіст.-дакум. хроніка Гомеля. У 2 кн. Кн. 1. – Мінск : Белта, 1998. – 608 с.
- 5 Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Ф. 1318. – Оп. 1. – Д. 1.
- 6 **Літвін, А. М.** Прымусовая праца беларускіх грамадзян у святле навуковых фактаў і асабістых успамінаў сведак / А. М. Літвін // Разняволеная памяць. Прымусовая праца беларускіх грамадзян на акупавай тэрыторыі Беларусі (1941–1944) : сб. навук. арт. – Мінск : Медысонт, 2010. – С. 47–80.
- 7 Новый путь. – 1943. – 26 июня.
- 8 Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 3913. – Оп. 1. – Д. 1.
- 9 Новый путь. – 1942. – 7 ноября.
- 10 **Цымбал, А. Г.** Колькасны аспект выкарыстання мясцовых працоўных рэсурсаў нямецкімі акупацыйнымі ўладамі ў святле калекцыі дакументаў галоўнай чыгуначнай дырэкцыі “Мінск” / А. Г. Цымбал // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць : матэрыялы Міжнар. навук. канф. Вып. 12. – Мінск : МДЛУ, 2014. – С. 113–118.
- 11 Новый путь. – 1943. – 3 апреля.
- 12 **Бракель, А.** Прымусовая праца мясцовага насельніцтва на апарат германскіх акупацыйных улад (на прыкладзе Баранавіцкай акругі) / А. Бракель // Разняволеная памяць. Прымусовая праца беларускіх грамадзян на акупаванай тэрыторыі Беларусі (1941–1944 гг.) : зб. навук. арт. – Мінск : Медысонт, 2010. – С. 9–30.
- 13 Новый путь. – 1943. – 22 мая.
- 14 Новый путь. – 1943. – 18 сентября.
- 15 ГАГО. – Ф. 1321. – Оп. 1. – Д. 241.
- 16 Новый путь. – 1943. – 19 июня.

- 17 ГАГО. – Ф. 1845. – Оп. 1. – Д. 1.
- 18 ГАГО. – Ф. 1316. – Оп. 1. – Д. 4.
- 19 НАРБ. – Ф. 4. – Оп. 33 а. – Д. 241.
- 20 Новый путь. – 1942. – 5 декабря.
- 21 Беларусь в годы Великой отечественной войны. 1941–1945 / под ред. А. А. Ковалени [и др.]. – Минск : БелТА, 2005. – 540 с.
- 22 Новый путь. – 1943. – 15 мая.

23 **Корсак, А. І.** Перыядычныя выданні націсцкіх акупацыйных улад як крыніца гісторыі паўсядзеннасці / А. І. Корсак // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць : матэрыялы Міжнар. навук. канф. – Мінск : МДЛУ, 2010. – С. 170–174.

24 ГАГО. – Ф. 1326. – Оп. 1. – Д. 9.

25 Новый путь. – 1943. – 26 июня.

26 **Раманоўскі, І.** Злачынныя мэты – злачынныя сродкі (да пытання аб акупацыйным рэжыме на Беларусі. 1941–1944 гг. / І. Раманоўскі // Беларусь у гады Другой сусветнай вайны: урокі гісторыі і сучаснасць : матэрыялы Рэсп. навук. канф., прысвечан. 50-годдзю Перамогі. – Мінск, 1995. – С. 24–26.

27 **Бригадина, О. В.** «Новый порядок»: повседневная жизнь населения Беларуси в годы оккупации (1941–1944) / О. В. Бригадина // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць : матэрыялы Міжнар. навук. канф. Вып. 10. У 2 т. Т. 1. – Мінск : МДЛУ, 2012. – С. 117–125.

УДК 94С(00)«1914/1919»

НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В БЕЛАРУСИ: ОТ ФЕВРАЛЯ К ОКТЯБРЮ 1917 Г.

Г. М. ЧАЯНКОВА

Учреждение образования

«Белорусский государственный университет транспорта», г. Гомель

Победа февральской революции, свержение самодержавия, установившаяся небывалая для Российской империи демократия, активизировала деятельность самых разных сил: политических партий и групп, общественных организаций и национальных движений.

В Беларуси национальное движение, в рассматриваемый период, приобрело значительный размах и вовлекло в свои ряды многочисленных представителей разных социальных слоев. Если в России наблюдалось так называемое двоевластие (Временное правительство и Советы рабочих и солдатских депутатов), то для Беларуси характерным было троецентрие. Третьей силой стало национальное движение. Особенностью его в это время было то, что кроме белорусских национальных организаций в Беларуси и на Западном фронте также действовали польские, латышские, литовские, украинские, еврейские и другие национальные партии, организации. С марта по ноябрь 1917 г. в Беларуси и среди беженцев-белорусов действовало 26 политических партий и организаций, среди которых 14 белорусских национальных партий и организаций. Условно их можно разделить на консервативно-клерикальные, либерально-демократические, революционно-демократические и социалистические.